



Уильям
Шекспир

*О, красота еще
прекраснее бывает...*

Сонеты



МОСКВА

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
Ш41

Художественное оформление серии
Н. Ярусовой

Шекспир, Уильям.

Ш41 О, красота еще прекраснее бывает... Сонеты / Уильям Шекспир; [перевод с английского Н. Гербель]. — Москва : Эксмо, 2026. — 336 с. — (Золотая коллекция поэзии).

SBN 978-5-04-243803-5

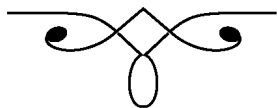
Загадочные, чувственные и до сих пор вызывающие споры — сонеты Уильяма Шекспира открывают перед читателем мир страсти, ревности и тайных признаний. Автобиография или гениальная художественная игра? Реальный любовный треугольник или поэтический вымысел?

Эта книга приглашает вас прикоснуться к одной из величайших литературных загадок и найти собственные ответы. Перед вами — первый классический перевод Николая Гербеля, с которого началась история знакомства русскоязычных читателей с бессмертными сонетами Шекспира.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

© Издание на русском языке,
оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

SBN 978-5-04-243803-5





1

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the riper should by time decrease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding:
 Pity the world, or else this glutton be,
 To eat the world's due, by the grave and thee.



I

Потомства от существ прекрасных все хотят,
Чтоб в мире красота цвела — не умирала:
Пусть зрелая краса от времени увяла —
Ее ростки о ней нам память сохранят.

Но ты, чей гордый взор никто не привлекает,
А светлый пламень сам свой пыл в себе питает,
Там голод сея, где избыток должен быть, —
Ты сам свой злейший враг, готовый все сгубить.

Ты, лучший из людей, природы украшеньё,
И вестник молодой пленительной весны,
Замкнувшись, сам в себе хоронишь счастья сны
И сеешь вокруг себя одно опустошеньё.

Ты пожалей хоть мир — упасть ему не дай
И, как земля, даров его не пожирай.



II

Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят,
Изрыв твою красу, как ниву плуг нещадный,
И юности твоей убор, такой нарядный,
В одежду ветхую бедняги превратят, —

Тогда на тот вопрос, с которым обратятся:
«Скажи, где красота, где молодость твоя?» —
Ужель ответишь ты, вину свою тая,
Что в мраке впалых глаз твоих они таятся?

А как бы ты расцвел, когда б им не шутя
Ответить вправе был спокойно и с сознаньем:
«Вот это мной на свет рожденное дитя
Сведет мой счет и мне послужит оправданьем».

Узнал бы ты тогда на старости любовь,
Способную согреть остынувшую кровь.



3

Look in thy glass and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unless some mother.
For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb,
Of his self-love, to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime;
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles this thy golden time.
 But if thou live, remembr'd not to be,
 Die single, and thine image dies with thee.



III

Подумай, в зеркале увидев образ свой,
Что должен он в другом созданье возродиться;
А если нет, то мир обманут был тобой,
И счастья мать одна через тебя лишится.

Кто б пренебречь дерзнул любовь твою
Из дев, как ни была б собой она прекрасна,
И грудь могла ль ее так сделаться бесстрашна,
Чтоб захотеть сойти в могилу без детей?

Ты матери своей хранишь изображение —
И видит вновь она в тебе свою весну.
Ах, так и ты, склоня взор к старости окну,
Увидишь и вкусишь вновь юности волненье!

Но если хочешь быть забытым, милый мой,
Умри холостяком, а с ним и образ твой.



4

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thy self thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free:
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffik with thy self alone,
Thou of thy self thy sweet self dost deceive:
Then how when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
 Thy unused beauty must be tombed with thee,
 Which, used, lives th'executor to be.



IV

Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь
Безумно на себя все, что ни получаешь?
Природа не дарит, а лишь займы дает,
И то лишь тем, кто долг свой честно отдает.

Зачем же ты, скупец, во зло употребляешь
Врученное тебе и праздно расточаешь?
Такие суммы, друг, не следует сорить,
Когда и без того едва ты можешь жить!

Имея дело лишь с одним самим собою,
Себя же выгод всех лишаешь ты в борьбе.
Когда ж твой бранный прах покроется землею,
То что благого ты оставишь по себе?

Бесплодной красота твоя сойдет в могилу,
Тогда как по себе ты б мог оставить силу.



V

То Время, что в труде приятном взор создало,
Который всех теперь влечет и веселит,
Тираном станет вновь, как то не раз бывало,
И прежней красоты навек его лишит.

Затем что время, вслед за уходящим летом,
Приводит из-за гор суровую зиму —
И мерзнет сок в лесу пустынном и раздетом,
А взор лишь видит снег, безжизненность и тьму.

Тогда, мой друг, когда благие соки лета
Не заключил бы рок в стеклянную тюрьму,
Вся красота его погибла б без привета
И превратилась в прах, чтоб погрузиться в тьму.

Но нежный цвет, в экстракт на зиму
превращенный,
Теряет внешность лишь, не запах благовонный.